

У ИСТОКОВЪ ВЪРЫ.

(Изъ дагомейскихъ впечатлѣній.)

«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»
Литургія Преждеосв. Даровъ.

Европейскаго наблюдателя, попадающаго въ глубину Дагомеи, съ первыхъ же шаговъ по этой, еще относительно, дѣвственной землѣ, поражаетъ ощущеніе наличія какой-то первичной религіозной матеріи. Почти передъ каждой негрской хижиной вкопанъ, большихъ или меньшихъ размѣровъ, деревянный идолъ, порою не лишенный художественности, а чаще весьма грубой работы. Во многихъ мѣстахъ — во дворахъ, на улицахъ, въ лѣсахъ — поставлены камни или родъ желѣзныхъ треножниковъ, на которыхъ приносятся жертвы: остатки пищи, пальмовое масло и т. д. Цѣлый рядъ деревьевъ считаются священными (охотнѣе другихъ — баобабы и фромажье), они обвязаны лентами или просто веревками.

Очень часто происходятъ массовыя процессіи, сопровождающіяся пѣніемъ, подъ звуки барабановъ («тамъ-тамъ») и особыми, весьма несложными постоянно повторяющимися тѣлодвиженіями, которыя принято называть танцами, но они скорѣе носятъ чисто ритуальный, священнодѣйственный характеръ. На взрослыхъ и на дѣтяхъ надѣты амулеты.

Вся жизнь негра подчинена контролю «денонъ» (колдуновъ), къ которымъ онъ обращается за совѣтомъ, за лѣкарствомъ, за посредничествомъ передъ фетишами. Колдуны призываются, когда рождается ребенокъ, когда празднуется свадьба, либо происходятъ похороны. Все это создаетъ представленіе о полной пронизанности всѣхъ моментовъ жизни негра опредѣленнымъ ощущеніемъ зависимости отъ чего-то выше его стоящаго. Но всякая попытка опредѣлить сущность религіозныхъ воззрѣній дагомеяца натывается на весьма смутное понятіе самихъ негровъ объ этомъ предметѣ.

Прежніе изслѣдователи вопроса, въ лучшемъ случаѣ при помощи переводчика, незамѣтно для себя направляя отвѣты, давали опредѣленія либо слишкомъ туманныя, либо не въ мѣру стилизованныя, иногда, впрочемъ, угадывая и сущность дѣла. Громадная работа католическихъ миссіонеровъ создала среди негрской молодежи цѣлые кадры неофитовъ, которые, сохраняя связь съ мѣстнымъ, зная его языки и нарѣчія — число ихъ колоссально, — направляемые опытными руководителями, собрали богатѣйшій матеріалъ для нѣкотораго освѣщенія интересующей насъ темы.

Оказалось, что у дагомейцевъ есть очень смутное, но все же есть представленіе о центральномъ божествѣ, которое они называютъ «Вэкэномъ» («Владыка міра»). На вопросы о роли этого божества никакихъ болѣе или менѣе ясныхъ указаній они дать не могутъ. Весь міръ для нихъ наполненъ духами или вѣрнѣе силами, которыхъ скорѣе надо бояться, чѣмъ любить, а, главное, всячески умилоостивлять.

Духъ можетъ обитать въ деревѣ, змѣѣ, камнѣ, въ пантерѣ, и какими то невѣдомыми путями вліять на судьбу человѣка. При первомъ взглядѣ кажется, что фетишисты почитаютъ всѣ эти предметы, на самомъ же дѣлѣ они адресуются къ духамъ, обитающимъ въ этихъ предметахъ. Статуи изъ дерева, фигуры животныхъ и прочее, какъ бы даютъ лишь общую идею о самыхъ духахъ.

«Мы обожаемъ не эти вещи, потому что мы часто дѣлаемъ ихъ собственными руками», — объяснялъ одинъ изъ фетишистовъ въ спорѣ съ негромъ-христианиномъ, — «а фетишамъ («водунъ», по негрски), которые эти изображенія представляютъ духамъ въ нихъ живущимъ». На вопросъ же, почему онъ не поклоняется Богу, который сотворилъ фетишей, фетишистъ отвѣтилъ, что «дѣйствительно, Вэкэнонь — творецъ всего, но людямъ онъ далъ разные способы служенія. Мусульманамъ онъ далъ одну религію, бѣлымъ другую. Намъ же чернымъ Вэкэнонь сотворилъ фетишей и позволилъ имъ служить. Обожая фетишей, мы обожаемъ Бога въ его твореніяхъ. И это къ Богу восходятъ почести, которыя мы воздаемъ фетишамъ. Всѣ мы служимъ одному Богу». Въ этихъ словахъ сказывается желаніе отстоять во что бы то ни стало вѣру въ фетишей, а ссылка на общаго Бога не казалась искренней *).

Фетиши являются посредниками между Вэкэномъ и людьми: для нихъ они получаютъ милости, здоровье, богатство, успѣхъ въ торговлѣ, исцѣленіе отъ болѣзней, благополучные

---

*) Бѣлыхъ дагомейцы считаютъ неграми, осквернившими себя чѣмъ-нибудь, потерявшими всякій человѣческій образъ, и въ наказаніе побѣлѣвшими.

роды, обнаруживают злонамѣренныхъ субъектовъ, въ особен-ности воровъ. Они же исполнители божественной мести, иног-да страшной по своимъ послѣдствіямъ, но ихъ можно умило-стивить жертвоприношеніями.

Добро исходитъ только отъ мертвыхъ родственниковъ, почитаніе которыхъ стоитъ у негровъ очень высоко. На сѣверѣ Дагомеи (напримѣръ, въ Джугу) мертвыхъ хоронятъ непосред-ственно около той хижины, въ которой онъ жилъ, и вся дерев-ня является въ сущности своеобразнымъ сочетаніемъ жилья съ кладбищемъ (какъ тутъ ни вспомнить Федорова).

Въ западной части страны обрядъ погребенія распадается на два момента. Покойника сначала зарываютъ въ могилу, а затѣмъ въ ближайшее полнолуніе трупъ откапываютъ, отдѣ-ляютъ голову, очищаютъ отъ остатковъ ткани и черепъ при-крѣпляютъ около входа въ хижину, воздавая ему всяческія почести, устраивая общія трапезы. Черезъ мѣсяць, опять-таки въ полнолуніе, черепъ кладутъ обратно въ могилу, и только послѣ этого считается, что мертвый навсегда покинулъ землю, и теперь будетъ всячески покровительствовать своимъ живымъ родственникамъ.

Въ Джугу я видалъ торжественные похороны брата од-ного изъ главныхъ негрскихъ вождей. Подъ хохотъ и веселые крики толпы, совершенно голый негръ, приплясывая и вер-тясь во всѣ стороны, несъ на головѣ завернутый въ цыновку трупъ. Такое, по европейскимъ навыкамъ, кошунственное от-ношеніе къ мертвецу, объясняется тѣмъ что, по мнѣнію не-гровъ, существованіе на землѣ полно опасностей, лишено ра-достей, а потому смерть близкаго человѣка встрѣчаетъ у жи-выхъ двойное одобреніе: однимъ страдальцемъ стало меньше и однимъ покровителемъ больше.

* * *

Глядя на серьезныя лица фетишистовъ во время процессій, массовыхъ танцевъ, обрядовъ, жертвоприношеній, поражаешь-ся ихъ своеобразной торжественностью, элементарной, но не-сомнѣнной одухотворенностью. Однажды я попалъ въ глухую деревню и забрелъ во дворъ нѣкоего подобія молельни, гдѣ колдунъ, съ конскимъ хвостомъ въ рукахъ (символь его могу-щества) и двѣ женщины экстатически, съ полузакрытыми гла-зами тянули на высокихъ нотахъ весьма несложную мелодію. Появленіе незнакомаго бѣлаго въ такомъ мѣстѣ должно бы-ло бы вызвать сенсацию, но всѣ трое не обратили на меня ни-какого вниманія и ни на минуту не прервали свое пѣніе.

Такую же сосредоточенность приносятъ негры съ собой въ католическія церкви. Чинный видъ молящихся, наполняв-

шихъ довольно большую, человекъ на двѣсти, временную часовню въ Порто-Ново (столица Дагомеи) могъ бы быть образцомъ для многихъ европейцевъ-христіанъ. Кстати отмѣтить, что изъ 300 бѣлыхъ, живущихъ въ Порто-Ново, повидимому, рѣдко кто появляется въ часовнѣ, переполненной неграми. Можетъ-быть, въ этомъ сказывается, между прочимъ, также нежеланіе сидѣть рядомъ съ черными. Сколько бы ни говорили о мягкости французской колониальной политики, но отчужденность между двумя расами, конечно, существуетъ.

* * *

У фетишистовъ практикуется очень сложный обрядъ посвященія въ верховные колдуны, отдаленно нѣсколько напоминающій, какъ свидѣлствуютъ миссіонеры, чинъ христіанскаго рукоположенія. Въ присутствіи большого количества фетишистовъ, колѣнопреклоненныхъ и поющихъ слова: «Вотъ мы создадимъ «дэнонъ» (колдуна), пусть онъ не умираетъ, пусть онъ не болѣетъ», — посвящаемый подходит къ фетишу, становится на колѣни и бросаетъ на землю четыре доли растенія кола. По характеру расположенія этихъ долей рѣшаютъ можно ли рассчитывать вновь посвящаемому на покровительство со стороны фетиша.

Въ случаѣ благопріятныхъ ауспицій онъ оставляетъ себѣ одну долю, а три остальные отдаетъ присутствующимъ, которые раздѣляютъ ихъ между собою на мельчайшіе кусочки. Только теперь начинается главная часть церемоніи посвященія. При радостныхъ восклицаніяхъ простертыхъ къ землѣ молящихся, будущему «дэнонъ» покрываютъ голову бѣлой тканью, ниспадающей на шею и облекаютъ въ бѣлую одежду, символъ чистоты фетишизма. Въ руки ему даютъ «алакпо» — длинную палку, родъ жезла, украшенную человѣческими фигурами и раздвоенную на концѣ. На ноги надѣваютъ сандалии и сажаютъ на высокое сидѣніе, покрытое скульптурой.

Съ обнаженными торсами, босые, съ непокрытыми головами всѣ присутствующіе падаютъ ницъ передъ своимъ новымъ первосвященникомъ. Сначала это продѣлываютъ «косись», простые язычники, непосвященные опредѣленному фетишу (своего рода «оглашенные»), а затѣмъ приближаются «водунзись», то-есть посвященные фетишу, принимавшему участіе въ церемоніи, которая на этомъ и заканчивается.

Авторитетъ «дэнона» стоитъ очень высоко и непочтительное къ нему отношеніе карается особымъ судьей «дангбеклунонъ» или «аплоганъ»). Онъ же наказываетъ за «кощунство», какъ, напримѣръ, за отказъ заботиться о священной змѣѣ, за непочтительный отзывъ о фетишахъ и т. д. Наказанія налагаются

очень строгія, часты приговоры къ смерти, но отъ всего этого можно откупиться хорошимъ жертвоприношеніемъ и деньгами. Среди колдуновъ существуетъ строгая іерархія.

Очень неожиданнымъ было открытіе своеобразныхъ «мистическихъ» сектъ, совершенно недоступныхъ для постороннихъ. Въ одной изъ такихъ сектъ практикуется особый обрядъ братанія, заключающійся въ томъ, что двое негровъ, сдѣлавъ предварительно надрѣзы на кожѣ плечъ, высасываютъ другъ у друга нѣсколько капель крови. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ склонны видѣть въ этомъ зачаточную форму евхаристіи.

* * *

Все до сихъ поръ нами изложенное и есть сущность того, что, послѣ самыхъ длительныхъ и тщательныхъ изслѣдованій и разспросовъ, удалось выяснить среди негровъ объ ихъ, какъ это очевидно, примитивномъ, эмбриональномъ, если можно такъ выразиться, предъ-религіозномъ міросозерцаніи. Но зародышъ чего-то подлиннаго въ этомъ несомнѣненъ. Это ощущеніе, сначала смутное, растетъ все больше, по мѣрѣ того, какъ контактъ съ дагомейцами становится непосредственнѣе. Кажется, самый воздухъ здѣшній пропитанъ дѣтски-наивной вѣрой.

Природа въ этихъ мѣстахъ не благостна: горячая, влажная духота, губительное дѣйствіе солнца, страшныя тропическія болѣзни, громадное количество ядовитыхъ змѣй. Все это заставляетъ негра чувствовать свою зависимость, подчиненность чему-то непонятному, но высшему, и онъ, какъ умѣетъ, во всѣ моменты своего бытія, тревожно, нервно, всѣмъ своимъ существомъ ищетъ помощи и заступничества.

Католическіе миссіонеры не скрываютъ, что они находятъ среди дагомейцевъ-язычниковъ подготовленную, разрыхленную почву, которая жадно поглощаетъ сѣмена Христова ученія. Негры-христіане отличаются добродушіемъ, привѣтливостью, мягкостью въ обращеніи съ дѣтьми, точностью выполненія всѣхъ предписаній своихъ духовныхъ пастырей, они навсегда отказываются отъ многоженства. Самымъ обиднымъ среди нихъ словомъ считается — «дикарь».

Конечно, среди новообращенныхъ есть и исключенія. Я зналъ одного переводчика -негра, католика, который ежегодно въ день поминовенія своихъ умершихъ родителей, устраивалъ традиціонную языческую трапезу съ закланіемъ бѣлаго пѣтуха съ танцами и музыкой. Когда другіе его укоряли, онъ отвѣчалъ, что родители его были фетишистами и ничего общаго съ католичествомъ не имѣли. Въ другомъ мѣстѣ я наб-

людадь негра, который ходилъ каждое воскресенье въ маленькую часовенку пѣтъ «вэпръ», но креститься онъ не хотѣлъ, потому что не хотѣлъ разстаться со своими тремя женами.

* * *

Заканчивая эти, поневолѣ, бѣглыя замѣтки, ибо детали завели бы насъ очень далеко и придали бы изложенію оттѣнокъ этнографичности, — я хотѣлъ бы указать еще на одну весьма любопытную черту характера дагомейцевъ. Не рѣдки случаи, когда негръ, получивъ отъ врача лѣкарство, послѣ того, какъ оно облегчило его боль, восхищенный, а главное не скрывая своего крайняго изумленія, какъ это случилось, что маленькая таблетка аспирина успокоила страданія его, такого большого мужчины, — приходитъ благодарить своего благодѣтеля, котораго онъ причисляетъ къ нѣкоторой категоріи колдуновъ. Увы, европеецъ давно уже потерялъ, среди другихъ и это прекрасное качество — способность удивляться чему бы то ни было. А можетъ быть оно именно больше всего и облегчаетъ существу, стоящему на самой низкой ступени культуры, искать выхода изъ полутьмы въ ту сторону, гдѣ сіяетъ «Невечерній Свѣтъ».

С. Ильницкій.